

Николай АРТАМОНОВ,
писатель, литературный критик
(г. Харьков)

«НЕОТВРАТИМОСТЬ ОТКЛИКА НА ЗОВ...»

Поэт Сергей Шелковый уже давно наработал критическую массу текстов. И книга избранных стихотворений «Листы пятикнижья» даёт его читателям удивительную возможность осознать, насколько целостным, духовным и мудрым может быть творчество нашего современника. Так что присуждение С. Шелковому в конце 2000-го года Муниципальной литературной премии имени Б. Слуцкого за «Листы пятикнижья» — свершилось постфактум. Поскольку первый его поэтический сборник «Всадник-май» увидел свет в Москве ещё в 1985-ом году.

*Острый ветер времён,
Меткий ветер судеб
Тих и вкрадчив, как сумерки мая...
И всё крепче вино,
Всё душистей твой хлеб,
Всё безжалостнее понимание.*
(«Всадник-май»)

Эта жажда глубже понять и яснее выразить всю немыслимую сложность горного и дольного миров, стремление постигнуть сумрачный драматизм и высочайшие достижения прошлых эпох, попытки уловить их отблеск на событиях часа сегодняшнего, заметны уже в первой книге С. Шелкового.

Лирика его всегда крепко замешана на ясной мысли, а чувство и образ соседствуют в строфе с точным наблюдением. Поэта искренне волнует великое молчание простых вещей (Р. М. Рильке) и тот ореол непостижимости, которым мудрецы издревле окружают человека: «Что ты лепечешь, тишайшая речка? Это о ней, о душе человеческой...» И он пишет о той безграничной душе, которая вмещает и лицемерную отповедь Каина (Разве сторож я брату моему?), и вечное безумие вавилонского греха (На всей земле был один язык и одно наречие), и волшебный дар счастливицы Моцарта, что «чуял зов за рамкою клавира».

У поэзии С. Шелкового, надо признать, есть точный адресат. Это читатель — друг и однодумец, настроенный на его «волну» и тихими вечерами в золотистом цвете настольной лампы неспешно «смакующий» его поэтические строки, иногда переусложнённые, но всегда терпкие и желанные, как первый майский мёд. В сборниках С. Шелкового почти не встретить произведений нарочито эффектных, предназначенных для декламации подобно чичибабинской «Оде русской водке» или его же «Плачу по утраченной родине». Творчество С. Шелкового напоминает скорее не сверкающий на поверхности реки поток, а глубинное течение чистых упругих струй, которые порой опускаются в ещё более потаённые глубины смысла и языка. Камертоном же, вектором и постоянной силовой линией в его стихах является интонация. И воспринимается она, словно тревожный «гул» времени. Звук, который вдруг оказывается подземным рокотом — предвестником потрясений и неизбежных перемен:

*Огромная славянская страна,
Распластанная шкурою медведя!
Широк твой лоб, косматы времена
И мутно-золота полушка меди.
С твоим похмельным привкусом в крови
И мне бродить остаток дней по свету.
Беспутная! На путь благослови
И в эти дни, когда дыханья нету...*

«Во плоти»

И это сакральное, над- и сверхчеловеческое начало достаточно часто присутствует в произведениях поэта. Лёгкими штрихами он может набросать выразительную зарисовку, осветить строку запоминающейся деталью... И внезапно отворить ворота в бесконечность. Мгновенно возникает обратная перспектива, меняются масштабы видения, сила художественного воздействия, а формальная логика может поменять свой знак на обратный. Связь с глубинным, корневым, исконным, как и в приведенном отрывке, ощущается читателем постоянно. Пишет ли С. Шелковый о своём «трущобном» детстве, размышляет ли о нравственно-исторической судьбе Киева, делится ли с нами своими солнцелюбивыми летними впечатлениями, в его стихах совершенно естественно возникает напряжённый диалог культур, переключки известных и полузабытых имён и, конечно же, обращение к древним памя-

тям (Б. Шергин), без которых современность — лишь смена непонятных и странных эпизодов. Исторические пласты в его стихах то мирно соседствуют, то накладываются друг на друга, словно в археологическом раскопе, то смешиваются в самых невероятных вариантах... И ключевое слово здесь одно — Крым!

*В час полуденного бденья
кипарисовые тени
тронут складку меж бровей,
и повеет в ноздри волей,
острой влагой йода, соли,
хлорофиллами ветвей,*

*гераклическим железом,
виноградным пьяным прессом,
нежным телом южных лоз. —
То дрожит в настое Крыма
дымка Греции и Рима,
зной персидских абрикос.*

Даже не касаясь сейчас серебряного века русской поэзии и в его контексте мистических прозрений Максимилиана Волошина, отмечу лишь наиважнейшее, а именно то, что крымский вектор в нашей культуре — явление настолько же закономерное, насколько и невероятно сложное. В соответствии с сакральной географией полуостров расположен на так называемом Александрийском меридиане, по которому духовные импульсы из Древнего Египта и Палестины передавались Киевской Руси, а позже — и Московской. В Крыму проповедовали слово Христово апостолы Андрей Первозванный и Симон Зилот. А потом, почти через тысячелетие, Херсонес-Севастополь сыграл важную роль в обретении святым братом Кириллом славянской азбуки. Здесь, наконец, по византийскому православному обряду был крещён святой равноапостольный князь Владимир. Так что поэт мог с полным основанием сказать:

*Крым мой — обрызганный кармой живой,
Рухнувший в море с небес астероид. —
Здесь пуповина планетная ноет,
Узел магнитный, сосок мировой.
«Вечеря»*

И вот XX век вновь припадает к опалённым солнцем крымским скалам, словно надеется прочитать в выбитых на них древних знаках свою судьбу. Поэтому в крымских стихах С. Шелкового прочно переоплетается несколько тем. Ему очень важно показать, как древние культурные импульсы достигали нас, становясь частью нашего сознания, сутью цивилизации. Его вдохновляют великие жизненные силы, неуядаемая свежесть и огромная мощь этого духовного наследия:

*В предолимпийское столетье
Мир свежевымыто хорош.
И Пифагорово наследье
Плывёт в Коперников чертёж.
И тянутся ему навстречу
Сегодняшние облака,
Где облик перистый помечен
Жемчужной прядью у виска.
«Во плоти»*

Сергей Шелковый принадлежит к тому счастливому роду-племени поэтов, которым удалось высказать свои актуальные мысли об искусстве. Его «Дрезденские эссе» («Вечеря», Седьмая книга стихов) написаны ярким, живым языком, насыщены пытливейшей мыслью. Здесь в двух человеческих судьбах преломился свет, идущий от вечного источника. Осип Мандельштам и Борис Чичибабин... Два столпника нашей культуры. Их мысль, их крик, их дерзкие, неподвластные временам стихи — один из редких в современном искусстве примеров универсального и общечеловеческого. Эта идея хорошо разработана в очерке о Мандельштаме. Поэзия его, пишет С. Шелковый, по сути соткана из трёх мощно-оригинальных традиций. Она включает духовное наследие христианства-православия, зрелого эллинизма и еврейства-иудаизма. «Русский язык — язык эллинистический» — это сказано о русской речи, которая была для Мандельштама высшей ценностью.

Борис Чичибабин не только прекрасно понимал, каким богатейшим наследием обладает восточное славянство, но и довольно успешно обращался к этому щедрому источнику. В своём шедевре 1977 года он ясно указывает ориентиры культурной области, в границах которой значимые исторические события на протяжении тысячелетий имели подобно эху многократный отклик. Фантастический полёт лошадок Бориса и Глеба («Ночью

черниговской с гор араратских...)») происходит по сути дела над средиземноморской субэкуменой (Г. Померанц), а точнее над её восточной частью. Что же касается самого исторического сюжета, то допускаю, что именно с лёгкой руки мэтра он «обосновался» в сборниках многих харьковских поэтов. У С. Шелкового он вполне узнаваем в стихотворении «И за Каином вслед Святополк...».

К нам вечность льнёт. И нам же дано счастье увидеть её глазами мудрого философа Гераклита, услышать её дыхание в волнующих размерах пушкинской поэзии, уловить во всём, что, преодолевая свинцовую тяжесть быта и повседневности, стремится к бытию и бессмертию. Именно этой устремлённостью объясняется особая культурологичность поэзии Сергея Шелкового, её изначальная приверженность ценностям, очеловечивающим мир и обожествляющим человека:

*Без чары вечера.
Но музыку всё слышу,
И это искупает ложный путь.
Осенний тёмный дождь стучит о крышу:
«Мы встретимся ещё когда-нибудь...»
«Вечера»*

Стихотворение «Вечера», давнее название книге поэта, — образец оригинальной медитации, отсылающей читателя к главным темам евангельской Тайной вечери, темам последней встречи, тайного предательства, непредсказуемости человеческой судьбы, присутствия в мире высшей Божественной мудрости. Здесь многое обобщено, и за несколькими неслучайно названными деталями, сквозит всё та же очеловеченная бесконечность. Пластичная форма не стесняет поэтической интонации, мысль пульсирует и постепенно сгущается, выявляя архетипы человеческого поведения и вечные психологические ситуации. Так на новом витке освоения жизненного материала творчество Сергея Шелкового всё больше, на мой взгляд, тяготеет к символу, абстракции, художественному синтезу. В начале был миф. И свет костров, догорающих на Олимпе, усиленный семисвечником Тайной вечери, отразился и в озябшем стекле, к которому «прилип бронзоволикий вязовый листок» поэта, хранителя времени.